

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

МЕСТО И РОЛЬ ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАНИИ ДИАСПОР

Е.М. Недопекина

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье предпринята попытка определить место национального (родного) языка в формировании и сохранении диаспор. Чтобы ответить на поставленный вопрос, в начале работы предлагается объяснение и уточнение феномена диаспоры. Для этого приводится ряд ключевых характеристик классических и современных диаспор. В результате анализа этих характеристик удалось установить, что ни одна из них не включает язык как необходимое условие существования диаспоры.

Ключевые слова: диаспора, родной язык, язык диаспоры, характеристики диаспоры, язык зарубежья, этническая общность, транснациональное сообщество.

В современном мире усиление процессов глобализации, стирание государственных границ и возникновение новых государств приводит к массовым перемещениям населения. На увеличение миграционных потоков влияет большое количество факторов, таких как экономическое неравенство между отдельными регионами, войны, голод, случаи геноцида и другие катаклизмы политического и экономического характера. Результатом глобальных миграционных потоков становятся диаспорные сети мигрантов и транснациональные пространства переселенцев.

В настоящее время термин «диаспора» стал общеупотребительным и используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений. Термин «диаспора» существует издавна, но не имеет строгой или универсальной дефиниции и определенно употребляется только по отношению к одной — еврейской — диаспоре и эпизодически еще к нескольким.

Сегодня понятие «диаспора» используется как родственное для таких явлений, как этнические меньшинства, беженцы, трудовые и экономические мигранты. В конечном счете речь идет о любых группах мигрантов, то есть о людях, по тем или иным причинам оказавшихся вне страны своего происхождения. Что касается происхождения греческого термина *diaspora*, то он образован от глагола *diaspeirein* — «рассеивать(-ся), рассыпать, раздавать, расточать».

Существительное *diaspora* впервые засвидетельствовано в греческом переводе еврейского текста Библии именно в значении «рассеяние евреев среди язычников», поэтому до недавнего времени диаспорой называли, прежде всего, поселения евреев. В отечественных и зарубежных энциклопедиях и энциклопедических словарях отмечается, что понятие «диаспора» возникло для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества других народов, культур и религий.

Энциклопедические словари и справочники добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно, для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах, нередко на положении национально-культурного меньшинства. В последние годы, однако, именно это производное значение становится наиболее употребительным. Такое понимание сформулировано, например, Г. Шеффером [7], с точки зрения которого диаспоры образовались путем насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины. Они живут в принимающих странах на положении меньшинств, сохраняют свою этническую или этнорелигиозную идентичность и общинную солидарность. Схожую дефиницию дают Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова [6]: «Диаспора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности».

Имеются и более широкие толкования понятия диаспоры как части народа, проживающей вне страны происхождения. Иногда же диаспора становится просто синонимом эмиграции или национального меньшинства. Так, В.А. Тишков [4. С. 43—63] определяет термин «диаспора» с точки зрения устойчивости связей с исторической родиной: «диаспора — это культурно отличительная общность на основе представлений об общем происхождении и вытекающих отсюда коллективных связях, солидарности и демонстрируемого отношения к родине». Большинство авторов рассматривает диаспору не только и не столько как общность, жестко очерченную демографическими и этнокультурными границами, но, и даже скорее, как стиль жизненного поведения, однако они не упоминают язык как один из принципиальных аспектов этого поведения.

Существенное место в исследованиях проблем диаспоры занимает анализ ее основных характеристик. Так, например, У. Сафран [11] выделяет следующие основные характеристики диаспоры:

- 1) рассеивание из единого центра в две или более «периферийных» области или иностранных региона: члены диаспоры или их предки были вынуждены покинуть страну (регион) своего первоначального проживания и, как правило, относительно небольшими частями переселиться в другие места;
- 2) коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация: члены диаспоры сохраняют коллективную память, видение или миф о своей первоначальной стране исхода, ее географическом положении, истории и достижениях;

3) ощущение своей чужеродности в принимающей стране: члены диаспоры полагают, что они не являются и не могут быть полностью приняты обществом этой страны и, следовательно, чувствуют себя отчужденно и изолированно;

4) стремление к возвращению или миф о возвращении: члены диаспоры считают страну исхода своим родным и идеальным домом; тем местом, в которое они или их потомки в конечном итоге вернутся, когда условия будут подходящими;

5) оказание помощи исторической родине: члены диаспоры преданы идее всемерной поддержки страны исхода и полагают, что им следует сообща взяться за это и тем самым обеспечить ее безопасность и процветание;

6) сохраняющаяся идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности, то есть наличие организационных форм своего существования.

Концепция, предложенная Х. Тололяном [12], концентрирует внимание на элементах, в которых, по мнению автора, отражена суть феномена еврейской диаспоры. Диаспора формируется вследствие принуждения к выселению или добровольно. В результате этого за пределами страны происхождения оказываются большие группы людей или даже целые общины.

Основа диаспоры — сообщество, которое уже обладает ясно очерченной идентичностью, сформированной в стране исхода.

Общиной активно поддерживается коллективная память, которая является основополагающим элементом ее самосознания.

Как и другие этнические группы, общины диаспоры сохраняют свои этнокультурные границы. Это происходит либо по собственной воле, либо под давлением населения принимающей страны, которое не хочет ассимилировать их, либо благодаря тому и другому. Общины заботятся о поддержании связей друг с другом. Члены сообщества продолжают воспринимать себя как семью и, в конечном счете, если концепция исхода перекрывается национальной идеей, рассматривают себя как единую нацию, рассеянную по различным государствам. Общины сохраняют контакты со страной исхода.

Очевидно, что некоторые характеристики во всех концепциях согласуются и дополняют друг друга. Например, В.Д. Попков пишет: «Действительно, в большинстве случаев оно (переселение) проходило под внешним давлением, однако «принуждение к переселению» здесь следует понимать не только как прямое физическое вытеснение этнической группы с уже освоенной территории, но и как применение мер экономического и, вероятно, политического воздействия» [3. С. 256]. Также следует отметить, что идея связующего мифа кажется характерным признаком всех диаспор. Это подразумевает идею о наличии дома у членов диаспоры — каждый из них может уехать (соответственно, может быть выслан) домой, на историческую родину. Тезис о поддержании связей между общинами в концепции Х. Тололяна частично совпадает с идеей А. Ашкенази [8] о коммуникационных сетях диаспоры. Различие заключается, прежде всего, в том, что А. Ашкенази особо выделяет способность еврейской диаспоры к интенсивной коммуникации.

Необходимо также учитывать, что диаспора — динамичное социальное явление, при этом речь следует вести о процессах трансформации самой диаспоры, которая, сохраняя себя, вынуждена постоянно изменяться в ответ на внутренние и внешние воздействия. Кроме того, диаспора в своем развитии проходит этапы выживания, становления, зрелости и упадка. Можно согласиться с С.А. Арутюновым [1], что диаспора — это не только состояние, но и процесс развития от «еще недииаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недииаспоре».

В центре понятия диаспоры лежит образ перемещения, переселения. Однако не всякое переселение может быть представлено как диаспора. Диаспоры — это места долгосрочных, если не постоянных формирований общности, которые объединяются как различные компоненты рассеянной группы, создавая экономические, политические и культурные взаимосвязи, составляющие ее основу. В.А. Тишков подчеркивает, что основой, на которой возникает феномен диаспоры, является история группы и ее культурная отличительность. При этом указанный признак является необходимым, но не достаточным, чтобы считать какое-то объединение людей диаспорой. Однако если данные характеристики отсутствуют, то нельзя вести речь о диаспоре. Принимая это во внимание, автор полагает, что диаспора — это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемой на этой основе групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Подчеркивая, что диаспора является политическим явлением, В.А. Тишков считает, что «диаспору следует понимать как результат личного выбора и сложившейся ситуации. Можно сказать, что диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и, тем более, этническая реальность...» [5. С. 69].

Важной характеристикой диаспоры является ее положение относительно границы: диаспорами могут считаться только те этнические рассеяния, которые находятся за пределами государства исхода. Политические лидеры диаспор сохраняют тесные связи с государством страны исхода. Но обычно бывает очень трудно узнать размер диаспоры, ее состав, размещение, и особенно степень ее вовлеченности в политику страны исхода.

Ключевая роль в образовании диаспор отводится диаспорной идентичности. Например, М. Дабаг и К. Платт [9] рассматривают диаспору как общественную модель, которая создает идентичность, общественные институты, а также вводит коллективные ориентиры. Стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций, современности, опыта и воспоминаний; а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех участников отношений: диаспоры, принимающей страны и страны исхода. Важно подчеркнуть, что диаспора создает идентичность не только на основании своих воспоминаний, но также на основе новых элементов реального общества. Таким образом, критерии, присущие современным диаспорам, во многом перекликаются с характеристиками классических общностей.

Многие члены современных диаспор живут в принимающей стране, сохраняя тесные связи со страной исхода, исторической родиной. Именно это, как отме-

чалось, является ключевым показателем диаспорной принадлежности. Используя личные и профессиональные контакты для сохранения связей с исторической родиной, члены диаспоры имеют возможность проживания сразу в нескольких культурах, способствуя глобализации таких этнических анклавов и выдвигению на первый план единых социально-этнических образований, которые получили название транснациональных пространств.

Позиция многих ученых по вопросу образования транснациональных пространств во многом сходна. Ключевую роль в возникновении таких образований играют этнические сети связей, возникающие посредством непрерывных миграционных процессов. Таким образом, актуальна проблема соотнесения понятий диаспор и транснационального пространства.

Такую попытку осуществил Т. Файст [10], который полагает, что современные процессы глобализации способствуют развитию ряда условий, тесно связывающих различные общности внутри или между национальными государствами. К таковым он в первую очередь относит перемещение мигрантов и беженцев и появление миграционных сообществ.

Ученый отмечает, что транснациональные пространства обозначают в первую очередь динамические процессы, заключающиеся в протекании постоянных миграционных потоков и перемещении ресурсов. Реальность транснациональных пространств автор обуславливает уже тем, что усиливается контроль со стороны государства за возможными сферами деятельности, в которые вовлечены этнические группы в пространствах. В качестве важной составляющей, которая формирует транснациональные пространства, Файст выделяет отношения, возникающие между пятью основными актантами: правительством иммиграционного государства, гражданским обществом в стране иммиграции, правительством эмиграционного государства, группами гражданского общества в стране эмиграции и транснациональными группами (мигрантами, беженцами, миграционными сообществами).

Формирование транснациональных пространств можно разбить на два этапа.

Первое поколение мигрантов, переезжающее на «новую родину», формирует транснациональное пространство на первом этапе. Благодаря тому, что мигранты не разрывают связи со страной исхода после переезда, появляются устойчивые связи между отдаленными этническими общностями. Кроме того, такие связи начинают обрести взаимоотношения с различными группами, организациями и институтами в странах рождения и проживания, готовя базу для формирования новых этнических сообществ, которые можно соотносить с понятием диаспоры, используя описанные выше характеристики.

На втором этапе развитие транснациональных пространств происходит за счет последующих поколений мигрантов, которые трансформируют связи между страной исхода и принимающей страной, развивая и видоизменяя их, например, путем совмещения культурных факторов. Такое комбинирование может отражаться на изменении стиля жизни, путем принятия традиций принимающей страны.

Одновременно Т. Файст предпринимает попытку упорядочить терминологию связей и отношений между диаспорой и другими формами сообществ мигрантов,

делая это путем выделения диаспоры как одной из форм транснациональных обществ. При этом транснациональные пространства охватывают практически все формы отношений и взаимодействий, продолжающихся не одно поколение и вовлекающих большое количество мигрантов.

К выяснению роли языка в диаспоре следует также приступать с его определения. Что касается русского языка за пределами России, то он обозначается несколькими терминами. Его часто называют языком зарубежья. В этом случае он рассматривается как синоним языка русских эмигрантов, однако в то же время представляет собой более объемное понятие.

Русские эмигранты первой волны считали своей миссией сохранить ценности и традиции русской культуры. Однако их внуки и правнуки, обучаясь в школах и колледжах Франции, Германии, Англии, США, постоянно общаясь со своими зарубежными ровесниками, все реже говорили по-русски, в основном, в домашней обстановке. В этой связи исследователи русского языка зарубежья отдают должное Православной Церкви и русским учебным приходским заведениям, которые способствовали поддержанию «чистоты» национального языка. Ранние переселенцы придавали особое значение языку как принципиальному фактору объединения эмиграционного сообщества, сохранения самобытности ее членов.

Изучение речи эмигрантов ведется по разным направлениям, например таким, как выявление общих особенностей языка у совокупности лиц, объединенных по каким-либо существенным признакам.

С другой стороны, возможно описание речи отдельных лиц, характеризующее пристальным вниманием к ее особенностям на всех уровнях языка, к специфике речевого поведения, отражающего личные и профессиональные свойства говорящего, к особенностям его биографии, к условиям освоения им русского языка. В результате такого подхода создается речевой портрет определенного человека.

Есть и работы, в которых изучаются процессы и повлекшие их причины изменения отдельных особенностей русского языка в речи эмигрантов разных волн, разных возрастов, живущих в разных странах.

Е.А. Земская [2] избрала комплексный подход, целью которого было в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка русской диаспоры, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка.

Историческая ситуация, сложившаяся в конце XX — начале XXI в., оказала огромное влияние на язык русского зарубежья. Многие из новоприезжих, не зная достаточно хорошо язык страны обитания и стремясь как можно скорее овладеть им, включают в русскую речь большое число заимствований. В результате употребления часто неоправданных вкраплений иностранной лексики в процессе общения внутри диаспоры границы эмигрантской общины начинают размываться и она начинает распадаться.

Однако сопоставление заимствований, функционирующих в речи диаспоры и метрополии, демонстрирует большое различие между ними, что не свидетельствует о различии причин, вызывающих сам процесс заимствования.

Различие в составе заимствуемых слов характеризуется резким различием в социально-культурных и материальных условиях жизни в эмиграции и метрополии. Это обстоятельство и объясняет, какие сферы жизни охватывают заимствованная лексика: финансы, социальные институты, предметы быта, которых не было в стране эмиграции, и некоторые другие области. Но среди заимствований почти не представлена лексика, связанная с явлениями природы или наименованием животного и растительного мира, ибо подавляющее число эмигрантов живет в городах, а не в сельской местности. В подобных случаях речь идет об употреблении варваризмов в тех контекстах, которые содержат реалии, не существовавшие в быту страны эмиграции. Частое использование такой лексики, безусловно, обедняет речь членов диаспоры, но не ведет к разрушению самой диаспоры.

Тем не менее, ни одно из определений языка диаспоры не дает представления о роли языка в ее образовании и сохранении ее единства. Следует полагать, что именно язык является основанием той культурной общности, которая используется при определении диаспоры многими учеными, например В.А. Тишковым. Он используется для общения внутри семьи и между представителями общины, связывает членов диаспоры с их исторической родиной, способствует сохранению идентичности в условиях глобализации и чуждой среды. Сохранение национального языка — это также поддержание контактов с родиной, которые проявляются в выборе СМИ и телевизионных каналов на родном языке.

Одна из особенностей диаспоры проявляется в устойчивости к ассимиляции, которая достигается, помимо прочего, отказом использовать язык страны проживания. Как результат, в среде иммигрантов усиливается желание передать язык предков детям, сохранить национальную культуру, самобытность. Именно по этой причине в диаспорах часто остро стоит вопрос об изучении родного языка в чужой стране.

Все эти доводы указывают на исключительную, принципиальную значимость языка в образовании диаспоры, объединении ее членов, сохранении связи с исторической родиной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 2. — С. 74—78.
- [2] Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 114—131.
- [3] Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. ИС РАН. — М., 2003. — С. 256.
- [4] Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. — 1999. — № 2. — С. 43—63.
- [5] Тишков В.А. Конференция в Москве «Российская диаспора в XIX—XX вв.: выживание или исчезновение?» (20—21 апреля 1999 г.) // Диаспоры. — 1999. — № 2—3. — С. 69.
- [6] Тощенко Ж.Т., Чаттыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. — 1996. — № 12. — С. 33—42.
- [7] Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. — 2003. — № 1. — С. 162—184.

- [8] *Ashkenasi A.* Diaspora: Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // Identität in der Fremde / M. Dabag, K. Platt (Hg.). — Bochum, 1993. — S. 192.
- [9] *Dabag M., Platt K.* Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // Identität in der Fremde / M. Dabag, K. Platt (Hg.). — Bochum, 1993. — S. 214.
- [10] *Faist Th.* The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. — Oxford, 2000. — P. 380.
- [11] *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. — 1991. — V. 1. — № 1. — P. 148.
- [12] *Tölölyan K.* Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora. — 1996. — 5: 1. — P. 254.

THE PLACE AND ROLE OF LANGUAGE IN DIASPORA FORMATION

E.M. Nedopekina

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The goal of the present article is an attempt to define the place of the national (mother) tongue in the formation and safeguard of diasporas. To achieve the set goal the author offers an explanation and a more precise definition of diasporas phenomenon which demands a list of key characteristics of classical and modern diasporas. The following analysis results in the statement of the fact that none of the given characteristics includes the mother tongue as a necessary precondition of diasporas formation.

Key words: diaspora, mother tongue, language of diaspora, diaspora characteristics, (Russian) language abroad, ethnical community, transnational community.